

ЗАРОЖДЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ (К ПРОБЛЕМЕ ОТБОРА СУБСТАНТНОГО МАТЕРИАЛА ЯЗЫКОМ)

Английский и немецкий языки в процессе исторического развития по-разному реализовали общегерманскую диахроническую типологическую константу, а именно уход от синтетизма и флективности к корнеизоляции, агглютинации и аналитизму. В данной статье предпринята попытка анализа глагольных аналитических конструкций V + N с *haben*, *geben* и *nehmen* в древне- и средневерхненемецком в сопоставлении с их аналогами с *habban*, *niman* and *giefan* в древне- и среднеанглийском.

In the course of its development the English language structure has undergone a radical typological change. Both English and German have been realizing the common Germanic diachronic constant in the course of their historical development, but the intensity of its realization differs in the two languages. This article studies verbal analytical constructions, whose verbal elements are expressed by verbs with broad meanings such as *haben*, *geben* and *nehmen* in Old High German / Middle High German in comparison with *have*, *take* and *give* in Old English / Middle English.

Современные исследователи английского языка признают наличие в нем особой группы глаголов – широкозначных (например, *have*, *be*, *do*, *make*, *take*, *give*, *get*, *keep* и некоторые другие) [Плоткин, 1989; Концепция..., 2004; Аналитизм..., 2005]. При рассмотрении немецкого языка, близкородственного английскому, эквивалентная группа не выделяется. Хотя одиночные попытки признать глаголы типа *haben*, *geben*, *nehmen*, *sein*, *kommen*, *gehen*, *bringen*, *führen*, *machen* широкозначными были (см., например, работу на материале современного немецкого языка: [Кудинова, 1994]). Широкозначными при этом признаются такие глагольные единицы, которые отличаются особо высокой степенью частотности, самым широким диапазоном употребления в речи и наибольшей активностью в формировании аналитических глагольных лексем.

Цель настоящего исследования – рассмотрение явления широкозначности в историко-типологическом аспекте путем сопостав-

ления английского и немецкого языков (начиная с IX в.) и выявления статуса немецких глаголов типа *haben*, *geben* и *nehmen*. Указанные глаголы были выбраны нами для анализа по концептуальным и однокорневым в индоевропейском языке соответствиям с английскими глаголами *have*, *take* (др. англ. *tacan* – *niman*) и *give* (см.: [Козлова, 2004]). При этом, по справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, для определения статуса единицы необходимо установить, «каким именно видоизменением она оказывалась подверженной в разных языках» [Кубрякова, 1997. С. 98] и, добавим от себя, в разных языках в разные периоды их развития.

Интересны при этом способы кодирования одной и той же информации в близкородственных языках и на следующем этапе исследования ассоциативные связи в языковом сознании носителей этих языков. Но когда мы имеем дело с удаленными от нас эпохами, приходится ограничиваться письменным наследием. В качестве основного источника ма-

териала при проведении детального описания конструкций с глаголами *haben*, *geben* и *nehmen* нами был выбран средневерхненемецкий героический эпос «*Nibelungenlied*» («Песнь о нибелунгах», около 1200 г.). Для исследования привлекалась также осуществленная нами выборка по древневерхненемецким текстам «*Hildebrandslied*» («Песнь о Хильтебранте»), «*Ludwigslied*» («Песнь о Людвиге»), «*Das Wessobrunner Gebet*». Как показало исследование И. В. Шапошниковой, «в [современном. – Н. К.] немецком языке модели, называющие хронотопные смыслы, аналогичные тем, которые присутствуют в английских бинамах V + adv и V + N, во многом очень сходны с моделями, характерными для английского языка в разные периоды его истории» [Аналитизм..., 2005. С. 61]. В рамках данной публикации рассмотрим подробно модель V + N на материале немецкого языка XII–XIII вв., сопоставив данные исследования с материалом древне- и среднеанглийского языка. Прежде всего следует отметить высокую частотность употребления глаголов *haben*, *geben* и *nehmen* в тексте анализируемого средневерхненемецкого памятника (641 случай употребления на 363 страницы текста, т. е. в среднем около двух единиц на одну страницу).

Для проведения любого исследования важно следующее: 1) эмпирический базис (в нашем случае письменные памятники определенной эпохи или даже нескольких эпох); 2) понятийно-категориальный аппарат, позволяющий проводить исследование в рамках определенного направления изучения языка (в частности, мы рассматриваем наш объект – модели V + N с *haben*, *geben* и *nehmen* в качестве глагольного компонента – в рамках типологии); 3) определенные устойчивые связи между явлениями, которые функционируют как законы и закономерности – например, диахроническая типологическая константа к корнеизоляции, агглютинации и аналитизму в одном из близкородственных языков (английском) не обязательно проявляется в другом (немецком); 4) синтезирующий компонент, позволяющий свести 1–3 в единую систему – для нас это принцип системного изоморфизма, которому следует любой язык. Именно основываясь на данные положения, мы и попытаемся проанализировать глагольные конструкции V + N с *haben*, *geben* и *nehmen* в средневерхненемецком языке в сопоставлении с близкородственным ему английским на двух ступенях развития: древне- и среднеанг-

лийском. При этом для достижения критерия истинности в исследовании мы очень строго подходим к отбору фактического материала и проводим анализ частотности употребления той или иной модели в процентном соотношении, что позволяет нам выявить наиболее типичные факты.

В качестве основного метода нами был выбран контрастивный анализ, когда на первой ступени исследования явления изучаются по отдельности и выявляется их специфика (на материале английского языка это было сделано И. В. Шапошниковой в работах [Шапошникова, 1992; Аналитизм..., 2005]). Второй этап подразумевает выявление общего в рассматриваемых моделях V + N. И наконец, на третьем этапе проводится собственно сопоставление – описание моделей, и приводятся результаты исследования.

Исследователи не раз отмечали, что глагол *иметь* может быть охарактеризован как глагол состояния, не описывающий никакого процесса и являющийся по сути псевдотранзитивным (см., например: [Бенвенист, 2002]). Другими словами, использование конструкции с *haben* есть описание субъекта или его состояния через псевдообъект. В средневерхненемецком (как и в древнеанглийском, и в древневерхненемецком) роль объекта в конструкции с *haben* (*hân*) чаще всего выполняет имя существительное. Проведенный анализ наполняемости данной модели в средневерхненемецком языке позволяет привести следующие результаты.

I. Существительные конкретной семантики – объекты материального мира, с разных сторон характеризующие субъект:

1) люди – члены семьи, подчиненные, воины и т. п. (44 % от проведенной сплошной выборки): *unt bringet mir der recken, der besten der wir hân* (S. 77, 1¹) ‘и приведи мне воинов, лучших что мы имеем’; *ich habe lützel mäge in Nibelunge lant* (S. 164, 4) ‘я имею мало друзей в стране нибелунгов’; *doch hât der künec Gunther vil manegen übermüeten man* (S. 9, 5) ‘имел же король Гунтер множество быстрых на подъем людей’; *er dâ friunde hête, die sah man weinende gân* (S. 157, 6) ‘он тогда друзей имел, которых видели плачущими идущими’;

¹ Волнистой линией в тексте примеров отмечены существительные, выступающие в качестве объекта в модели V + N, курсивом – рассматриваемые глаголы. В скобках указан номер страницы и строфы по [Das Nibelungenlied, 1871]. Досл. перевод.

2) предметы личного пользования – одежда, оружие, украшения, золото и т. п., а также животные как часть имущества субъекта (39 % от выборки): *daz ich und mîne recken haben solch gewant* (S. 10, 7) ‘что я и мои воины имеют такое одеяние’; *Si hête noch des goldes von Nibelunge lant* (S. 193, 6) ‘она имела же золото земли нибелунгов’; *hêt er daz swert enhende, sô wær ez Hagenen tôt* (S. 149, 4) ‘имел он меч в руках, так была это Хагена смерть’; *si hêten noch gesmîde* (S. 193, 3) ‘они имели еще ожерелье’;

3) земли, крепости, поля и др., включенные в сферу владения субъекта (17 % от выборки): *daz ich habe von rehte liute unde lant* (S. 17, 5) ‘что я имею по праву людей и землю’; *er hât als wol bürge als ich unt wîtiu lant* (S. 94, 5) ‘он имеет столько же крепостей, сколько я и остальная страна’; *sam ob si noch hêten bêdiu lant unde velt* (S. 210, 3) ‘когда если они еще имеют и землю, и поле’.

II. Абстрактные существительные, характеризующие субъект через внутренний микромир. Например: *si hête grôze sorge umbe ir Kindes lip* (S. 9, 3) ‘она имела большое беспокойство о жизни ее ребенка’; *ez hêt der künec Gunther einen hêrlîchen muot* (S. 360, 3) ‘имел король Гунтер чудовищную смелость’; *sô hêt er dar inne krefte genuoc* (S. 52, 3) ‘итак, имел он к тому же силы достаточно’; *die sagten ander mære, zwêne sîner man, daz vride habn solde Gunthers lant* (S. 137, 7) ‘сказали другим весть два его мужа, что свободу иметь должна бы Гунтера страна’; “*Ouch hête ichs lützel êre.*” – sprach der küene man (S. 97, 2) “‘Также имею я мало чести’, – сказал смелый воин’; *hie hât daz mære ein ende: daz ist der Nibelunge liet* (S. 363, 4) ‘здесь имеет сказание конец: это есть Песнь о нибелунгах’; *des hête michel wunder die Ezeln man* (S. 269, 5) ‘что имели огромное удивление слуги (воины) Эцеля’.

Доля абстрактных существительных, способных сочетаться с глаголом *haben* (*hân*), выше, чем конкретных существительных, и составляет примерно 61 % от сплошной выборки. Отметим еще раз, что и конкретные, и абстрактные существительные, составляющие часть модели V + N, характеризуют именно субъект глагола, что не позволяет говорить нам о какой бы то ни было членности или разрозненности исследуемой модели.

Глаголы *geben* и *nehmen* представляют по своей семантике динамические корреляты *haben*. И если в модели *haben* + N описывается один субъект, то в моделях *geben* + N и *nehmen* + N – отношения двух субъектов. Уже

в древненемецком языке для глагола *geben* основной является модель S_{Nom.} + V + O + S_{Dat.}, т. е. перемещение объекта из сферы одного субъекта (S_{Nom.}) в сферу реципиента (S_{Dat.}): *want her do ar arme wuntane bauga, cheisuringu gitan, so imo se der chuning gap...* (Hild. 33–34) ‘Свинтил он тогда с руки витой браслет, поцарски сделанный, который ему король дал’. Для глагола *neman* основная модель упрощается – S_{Nom.} + V + O, указание на реципиента (S_{Dat.}) выступает нерелевантным: *Thô nam her skild indi sper* (Ludw. 42²) ‘Тогда взял он щит и копье’. Специфика модели накладывает отпечаток и на семантику имени существительного, чаще всего выступающего в качестве объекта. Доля конкретных существительных здесь значительно выше, чем абстрактных: для модели *geben* + N она составляет примерно 67 %; для модели *nehmen* + N – около 77 %. Рассмотрим подробнее наполняемость модели *geben* + N субстантным материалом в средневерхненемецком языке.

I. Существительные конкретной семантики – объекты материального мира:

1) предметы личного пользования (данные примеры составляют большинство: 65 % от сплошной выборки) – одежда, золото, деньги, оружие и др., а также животные как часть имущества субъекта: *den gesten und den kunden³ gap man ros unt ouch gewant* (S. 5, 3) ‘гостям и вестникам дали коня и также одеяние’; *jâ gib ich dir dar umbe mîn silber unt mîn golt* (S. 291, 7) ‘да, дам я тебе поэтому мое серебро и мое золото’; *ir sult uns geben diu swert unt ouch die liechten brünne* (S. 62, 6) ‘вы должны нам дать меч, а также легкий панцирь’; *dar zuo gab ouch Kriemhilt sît ein michel teil durch Sîvrides sêle unt umb aller sêlen heil, golt unt edel steine* (S. 174, 1) ‘к тому же дала также Кримхильда большое количество для спасения души Зигфрида и других душ золота и драгоценных камней’;

2) люди – члены семьи, подчиненные, воины и т. п. (22 % от сплошной выборки): *ich wil iu zandern zîten disiu mære sagn, warumbe ich mîne swester dem recken hân gegeben* (S. 94, 3) ‘я скажу вам в другое время правду, почему я мою сестру воину отдал (в жены)’; *ê wir dir einen man gaben hie ze gîsel* (S. 322, 7) ‘мы тебе одного человека дали бы здесь в заложники’; *unt gab ir bî der hant den kûenesten*

² Hild. – Hildebrandslied; Ludw. – Ludwigslied. Цит. по: [Altdeutsche Texte, 1970].

³ Подчеркиванием в тексте примеров отмечены случаи указания на реципиента.

recken (S. 359, 4) ‘и дал ей в руки самых смелых воинов’.

Кроме того, в модели с глаголом *geben* место объекта может занимать конструкция с именем собственным: *Gebt uns Ruedegêren sô tôten ûz dem sal* (S. 346, 2) ‘Отдайте нам Рюдегера мертвого из зала’;

3) земли, крепости, поля и др., которые могут быть перемещены из сферы владения одного субъекта в сферу владения другого (11 % от выборки): *ouch gæb ich im ze miete vil guote bürge unde lant* (S. 310, 3) ‘также дал я ему в награду много хороших замков и землю’; *der mir gæbe tûrne von rôtem golde guot* (S. 274, 2) ‘который мне дал замок из красного золота хороший’.

Следовательно, если в модели *haben* + N доля конкретных существительных, называющих людей (членов семьи, подчиненных, воинов и т. п.), очень высока (44 %), т. е. люди могут входить в часть владения субъекта, через них описывается его благосостояние. Тем временем в модели *geben* + N субъект чаще характеризуется уже через предметы личного пользования: животных или неодушевленные сущности (65 %).

II. Доля абстрактных существительных в модели *geben* + N мала, кроме того здесь мы видим те же существительные, что и при наполняемости модели *haben* + N. Например, *ende* или *vride*: *des enkûnde iu ze wære niemen gar ein ende geben* (S. 2, 7) ‘этого не знает действительно никто, когда же конец придет’; *sine gâben vride niemen wan dem einen man* (S. 338, 4) ‘они не дали никому свободы, кроме как одному человеку’.

Рассмотрение модели *nehmen* + N приводит нас к следующим результатам:

I. Существительные конкретной семантики – объекты материального мира:

1) предметы личного пользования – оружие, одежда, золото, украшения, а также животные как часть имущества субъекта: *Nu hêt der rise küene sîn wæfen an sich genomen* (S. 75, 3) ‘Тут взял смелый великан его оружие себе’; *er nam ir ê ein vingerlîn von golde wol getân* (S. 103, 2) ‘он взял ей кольцо, из золота полностью сделанное’; *die daz golt des küneges uns ze vâre hânt genomen* (S. 326, 6) ‘которые золото короля для нас в руку взяли’; *dô nam er [Hagene] ir gewæte* (S. 234, 6*) ‘тогда взял Хаген ее одежду’; *ir gos si nâmen beide zen sîten mit den sporn* (S. 28, 6) ‘своих коней они взяли оба в сторону со шпорами (пришпорив)’;

2) люди – члены семьи, подчиненные, воины и т. п.: *frou Kriemhilt dô nam zwô unt drîzec magede, dar zuo fünfhundert man* (S. 106, 4) ‘госпожа Кримхильда тогда взяла тридцать две служанки, к тому же пятьсот человек’; *mîn wîp unt mîne tohter nim ich an mîne hant* (S. 330, 7) ‘мою жену и мою дочь взял я под руку’; *sît ir mîner friunde mir habt sô vil genomen* (S. 339, 3) ‘вы моих друзей у меня так много забрали (лишили жизни)’.

Кроме того, не единожды в роли объекта употребляется собственное имя существительное. Например: *dô sprach der herre Sîfrit "sô wil ich Kriemhilde nemen"* (S. 8, 5) ‘тут сказал господин Зигфрид: «Итак, хочу я Кримхильду взять (в жены)»»; *die hêt in sîme lande der küene Hagene genomen* (S. 275, 6) ‘которая взяла в свою страну смелого Хагена (на службу)’.

Частотность наполняемости модели *nehmen* + N существительными, обозначающими предметы личного пользования и людей, примерно одинакова (45 и 43 % соответственно), т. е. и предметы личного пользования, и люди плотно включены в сферу конкретных объектов, которые можно взять или даже отнять силой у кого-нибудь;

3) земли, крепости, поля, включенные в сферу владения субъекта, которые можно как передать в пользование (см. выше), так и взять или отнять силой у кого-либо (4 % от сплошной выборки). Например: *daz er dâ für nâme niht eines küneges lant* (S. 42, 4) ‘что он для этого не взял королевскую землю’; *inlende hêten die geste nu genomen* (S. 180, 6) ‘родину взяли гости теперь (вернулись домой)’.

II. С абстрактными существительными в качестве объекта глагол *nehmen* в средневерхненемецком языке, как уже было сказано, встречается довольно редко. По сути, это те же существительные, что и при наполняемости моделей *haben* + N и *geben* + N. В частности, *ende*: *swenne sô der winder ein ende habe genomen* (S. 114, 2) ‘когда же зима конец возьмет (закончится)’. Кроме того, употребляются такие существительные, как, например, *sig*: *daz si den sig nâch êren in sturme hêten genommen* (S. 37, 4) ‘что они победу с честью в битве получили (завоевали)’; или *schaden*: *wir haben an in beiden sô starken schaden genomen* (S. 340, 1) ‘мы получили от них обоим такой большой вред’.

Таким образом, в средневерхненемецком языке наблюдается та же картина, что и в древневерхненемецком: субъект характеризуется и через объекты материальные, и через объекты

нематериальные (см.: [Козлова, 2004]). В качестве объекта при этом чаще всего выступает имя существительное. Хотя в модели V + N как объект может стоять и местоимение (местоименное существительное). Например: *dar zuo nam er ir gürtel... er gab ez sîme wîbe* (S. 103, 3) 'к тому же взял он ее пояс... он дал его своей жене'; *sît wart diu edel Kriemhilt des starken Sîfrides wîp... daz er eîne næme* (S. 8, 4–5) 'с того момента стала благородная Кримхильда сильного Зигфрида женой... что он одну взял бы'. Однако во всех этих примерах объект становится понятным из приведенного выше контекста.

Текстовый материал среднеанглийского периода (эпоха Дж. Чосера), по результатам исследований И. В. Шапошниковой, свидетельствует об ускорении процесса формирования семантического каркаса аналитической модели V + N. Этому способствовало выделение целого подкласса имен деятельностной семантики в особую группу слов, семантически сближающихся с глаголом [Аналитизм..., 2005. С. 56]. Средневерхненемецкий сохраняет существовавший и в древневерхненемецком, и в древнеанглийском исходный синтетический словообразовательный тип, а в среднеанглийском аналитическая конструкция структурно упорядочивается, происходит ее стандартизация. Это связано с отсутствием потребности в «перекодировке» в системе развития немецкого языка. Как следствие этого мы наблюдаем большую степень тождества между средне- и древневерхненемецким, чем между средне- и древнеанглийским языком. Определенно большее тождество наблюдается также между древневерхненемецким и древнеанглийским, но не между средневерхненемецким и среднеанглийским языком.

Каждый из языков, взятый в отдельный период исторического развития, выбирает наиболее оптимальный для себя способ кодирования информации. В древнеанглийском, древне- и средневерхненемецком функциональная нагрузка в выражении значений, присущим современным аналитическим конструкциям, в значительной мере лежала на синтетическом (приставочном) словообразовательном типе. В конструкции же V + N значение существительного-объекта никак не влияло на ее оформление, учитывались лишь морфолого-синтаксические закономерности флективного типа языка. Таким образом, существительное могло стоять в любом косвенном падеже, в модели V + N чаще всего в аккумулятиве (см. почти

все примеры, данные выше). Аккумулятив при этом в большинстве случаев имел нулевую флексию: функция объекта никак не маркировалась в словоформе существительного. И наконец, основным типом связи выступало управление.

В среднеанглийском же языке в модели V + N уже выделяется целый подкласс имен деятельностной семантики. Кроме того, наблюдается тенденция к регламентации (фиксации) порядка слов. Думается, что это явилось одним из проявлений диахронической типологической константы к корнеизоляции и аналитизму.

Список литературы

Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах: Моногр. / Ин-т языкознания РАН; Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. 245 с.

Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика: Пер. с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Козлова Н. В. Потенциально широкозначные глаголы в древневерхненемецком языке // Актуальные проблемы германистики: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 25–29.

Концепция подготовки специалиста-исследователя высшей квалификации филологического профиля. Научная специальность 10.02.04 – Германские языки. Новосибирск, 2004. 114 с.

Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Ин-т языкознания, 1997. 328 с.

Кудинова В. И. Широкозначные глаголы в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. пед. ун-т, 1994. 16 с.

Плоткин В. Я. Строй английского языка. М.: Высш. шк., 1989. 239 с.

Шапошникова И. В. Становление и развитие аналитических глагольно-наречных и глагольно-субстантивных деривационных моделей в истории английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1992.

Список источников

Altdeutsche Texte: Ausgewählt und kommentiert von Heinz Mettke. Leipzig: Veb bibliographisches Institut, 1970.

Lexer M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. 24. Auflage. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1944.

Das Nibelungenlied: Herausgegeben von F. Zarncke. 4. Auflage. Leipzig: Georg Wigands Verlag, 1871.

Материал поступил в редколлегию 10.09.2006